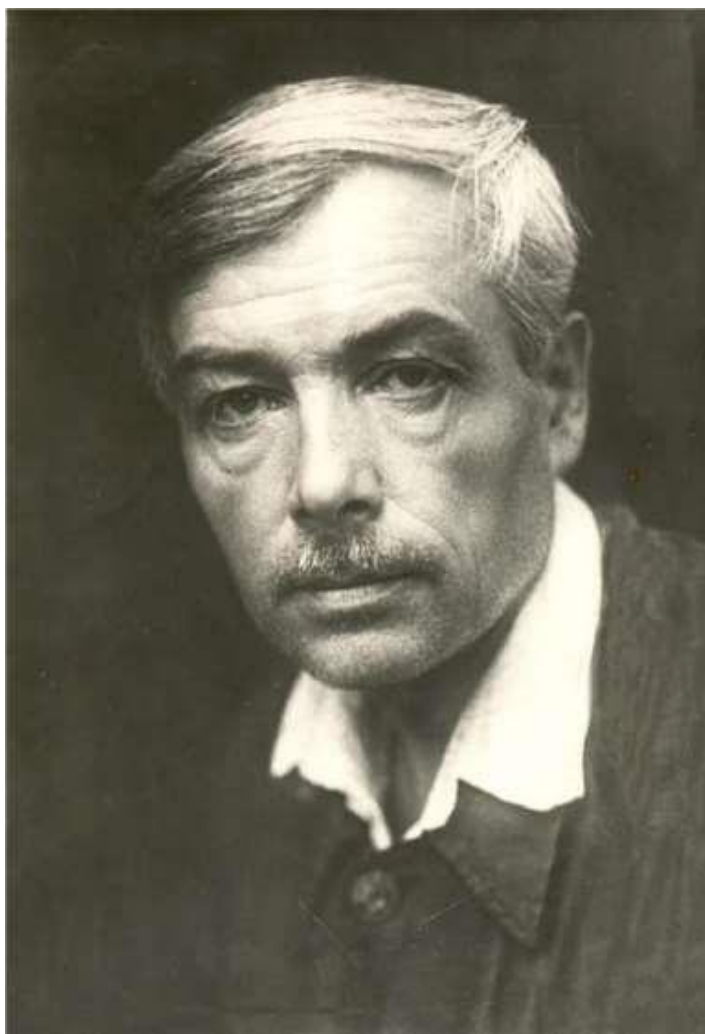

Родная красота в творчестве Дмитрия Ивановича Архангельского

Заканчивается 2022 год, объявленный Президентом России Годом народного искусства и нематериального культурного наследия народов России.

Наследие – это то, что составляет собственность каждой страны, каждого региона, каждой этнической группы. Оно является важнейшим фактором развития человека, общества, нации, государства. Составной частью культурно исторического наследия являются музейные коллекции. Настоящим сокровищем музейного собрания Ленинского мемориала является личный фонд Дмитрия Ивановича Архангельского. Это яркий образец коллекции гуманитарного характера, отражающей устойчивые нравственные категории и общечеловеческие ценности, научный и информационный потенциал которой поистине неисчерпаем.

Виктор Васильевич Киселёв – заслуженный художник РСФСР, лауреат Государственной премии им. Репина, который называл Архангельского другом, учителем и просто дядей Митей, однажды сказал: «В жизни Дмитрий Иванович всегда видел красоту и радость. Искусство его было правдивое, радостное, солнечное, светило искренности и простотой».

Д.И. Архангельский

Сам Дмитрий Иванович так определил тему своего творчества: *«Колоритный город Симбирск – Ульяновск, имеющий богатую историю, Волга, оживление общественной жизни города – всё это подсказало мне направление моей деятельности. Я стал художником – учителем и краеведом».*

Краеведение – это важнейший элемент провинциальной культуры. Краеведов называют хранителями народной памяти. Это люди, которые не по должности, а по призванию занимаются изучением своего родного края.

В автобиографических заметках **«Как я стал краеведом»** Дмитрий Иванович вспоминал: *«В детские годы я любил рассматривать цветные узоры для вышивок (приложения к журналам) и кружева матери. Хорошо помню, как она искала новые мотивы кружев. Когда я с ней шёл на базар как помощник по переноске тяжёлых покупок, она брала с собой вязальный крючок и нитки. А в нашем городе было в обычае оконные занавески украшать кружевами. И если ей встречались новые мотивы кружев, она останавливалась и принималась снимать образчик новой композиции.*

У бабушки в сундучке я видел русское шитьё 150-летней давности из глухой деревни Симбирской губернии, откуда она была родом. На простыне (невестинной) были вышиты «кони», а в левом углу надпись «Господи». И когда мне уже было много лет, я как-то подумал, что значит это изречение, и пришёл к выводу, что «кони» - большая сила для деревенского хозяйства – обещают благополучие обладательнице простыни.

Там же были у бабушки полотенца с русским шитьём, с мотивами народного фольклора: кони, хороводы, птицы и т.д. Совсем уже старенькой, бабушка все эти драгоценные узоры передала в мои коллекции. Я их берегу, с благодарностью вспоминаю добрую бабушку и, конечно, показываю их своим посетителям и учащимся».

В настоящее время «бабушкин сундучок» хранится в Музее-мемориале В.И. Ленина, куда он вместе с другими многочисленными коллекциями, которые долгие годы любовно собирались художником, был передан внучкой Д.И. Архангельского Натальей Андреевной Мешалкиной. Да и сам Дмитрий Иванович собрал немало образцов шалей, платков, кружев, вышивки, тканей конца XIX – начала XX вв., бытовавших в Симбирской губернии, образцов вологодских, михайловских, вятских, костромских, елецких кружев, доставляемых в Симбирск по Волге.

«С открытием навигации на Волге у нас в городе появились богатые торговцы. Снизу привозили саратовскую сарпинку, сверху – кружева, вязанные на коклюшках. Татары разносили ткани. В один прекрасный день к нам постучалась кружевница и попросила посмотреть её товар. Она бережно вынимала из своего узла свёртки кружев из суровых ниток. Это было рукоделие кустарей, плетение по народным образцам. Я ухватился за возможность заполучить в своё собрание образцы народных кружев. Попросил мастерицу отобрать мотивы «постарше» и отрезать ½ аршина.

Когда мы рассчитались с мастерицей, она сказала, что ходит уже не один десяток лет, а не было случая, чтобы кружева покупал мужчина».

Яркие детские впечатления на всю жизнь оставили глубокий след в душе художника.

«Из городской жизни помнится нечто фееричное – зимняя ярмарка, балаганы, карусели, «Петрушка», резные игрушки, нарядные книжки в ярких обложках и конный ряд с сотнями коней.

На Волге весной, после ледохода, горожане ждали появления первого парохода, а мальчишки – весёлой, золотистого цвета под косым парусом «косушки». И это было понятно, ведь косовые везли замечательные вещи: городецкие пряники печатные. На них были оттиснуты «кони», фантастические «птицы», пышные «цветы». Привозили пряники медовые, тёмные, большого размера, также с оттисками, но более сложных сказочных сюжетов. Кроме пряников, прибывали к нам верховые, глиняные, неотразимо привлекательные куклы. Их покупали, что называется, нарасхват, и, поднимаясь по горе в город, юные покупательницы шли медленно, чтобы часом не споткнуться и не разбить весеннюю гостью – румяную куклу. Привозили косовые и детскую мебель столярной работы с вычурной росписью в три цвета (красный, зелёный и чёрный) по золотому фону и, наконец, «свистульки». Пряники, конечно, не залёживались у ребят, но куклы у девочек жили подолгу и были любимы, а «свистульки» потом слышались по всем улицам Симбирска. В моём собрании тоже были пряники. Я их хранил в коробках под стеклом. Но в голодные годы на Волге мы с детьми съели их».

С детства Дмитрий Иванович был очень любознательным, ему «о многом хотелось знать и особенно заманчиво, когда это было покрыто какой-то таинственностью и недоступностью».

«На самой тихой и самой короткой улице, б. Стрелецкой, совсем недалеко от дома где прошли детские годы В.И. Ленина, в угловом кирпичном доме издавна существовала бакалейная лавочка, а сбоку дома крыльцо и дверь с загадочной в то время для меня надписью: «Архивная комиссия». И сколько я не присматривался к этой двери, никто туда не входил и не появлялся оттуда».

Дом, о котором вспоминает Дмитрий Иванович, располагался на пересечении улицы Стрелецкой, на месте которой воздвигнут Ленинский мемориал, с Сенной улицей – ныне улица Дмитрия Ульянова. Принадлежал он купцу Я.В. Балясову. Часть первого этажа занимала бакалейная лавочка, а в шести арендованных комнатах второго этажа с 1897 г. до октября 1918 г. располагался музей Архивной комиссии, в котором хранилось более шести тысяч музейных предметов. Музей активно посещали учащиеся мужской и женской гимназий, духовной семинарии, епархиального, духовного городских училищ, кадетского корпуса, жители города. С 1897 по 1916 гг. хранителем музея был П.А. Александров.

Именно коллекции Музея архивной комиссии послужили основой Ульяновского областного художественного музея и Ульяновского областного краеведческого музея имени И.А. Гончарова.

Далее Архангельский пишет: *«И только когда я стал учителем, я решил, узнать, что это за учреждение.»*

Однажды я долго стучал в дверь Архивной комиссии, пока не появился на пороге единственный работник музея и, как я потом узнал, энтузиаст краеведческого дела, собиратель и хранитель симбирской старины Александров П.А. Дальше уже для меня всё обернулось диковинной сказкой: на стене комнаты я увидел три резных доски, три карниза симбирских изб. На первой доске я увидел льва среди сказочной растительности. В начале второй доски была изображена женская фигура с рыбьим хвостом. Третья доска – с автографом мастера. На ней вместо фигуры было вырезано «ФИКузм», фамилия резчика «Фёдор Иванович Кузьмин».

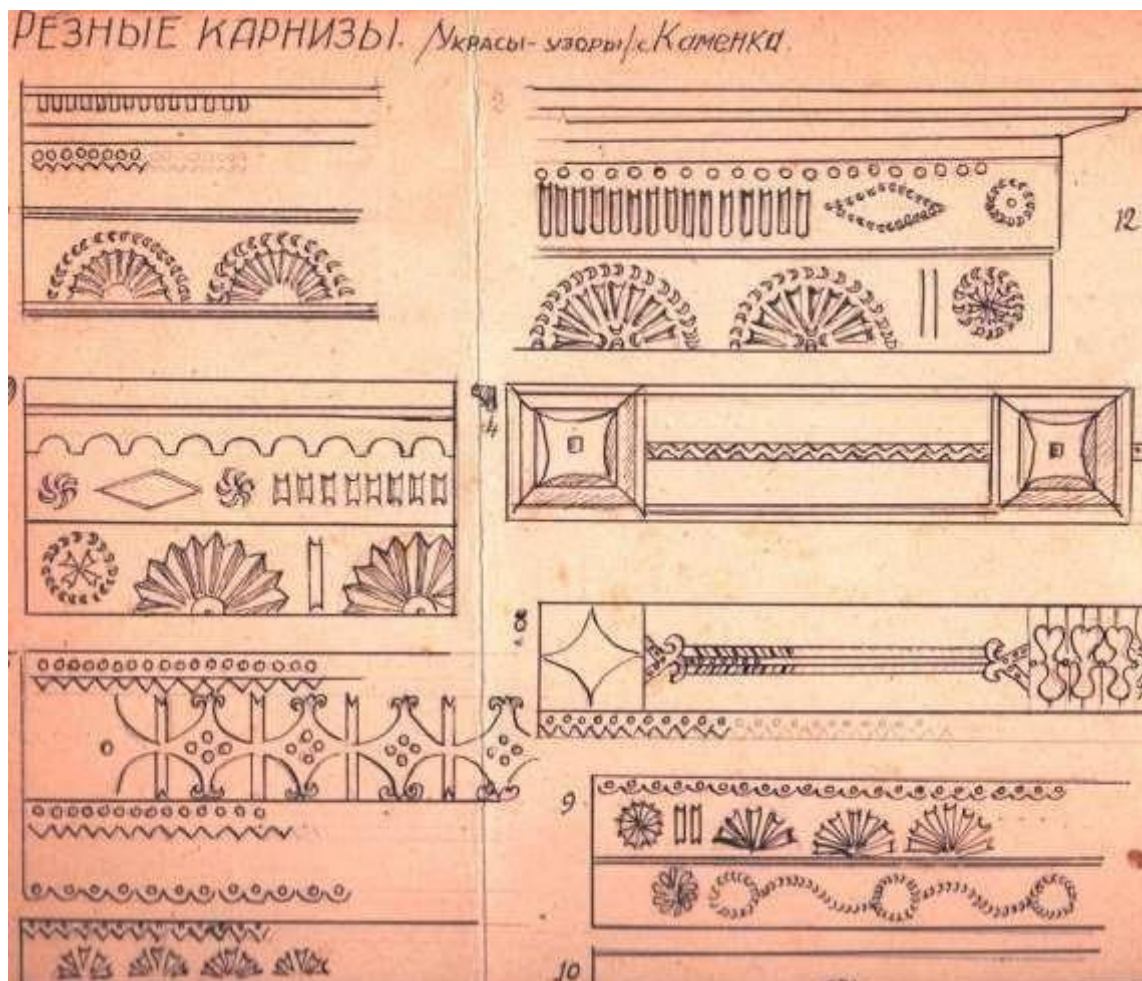

Я был поражён декоративностью досок и много раз потом повторял эти мотивы в графике, впитывая, усваивая гармонию и стиль народной волжской резьбы. Но я любил и действовать. Не откладывая в долгий ящик, я отправился с альбомом по нашим пригородным сёлам. Работал в Мостовой, Каменке, Лаишевке. В 1907 г. я был в с. Отважное в Жигулях и нарисовал дом купца Певнеева, похожий на старинный терем. Рисовал я в Муранке Симбирской губернии резные наличники. <...> В эту пору и начались мои зарисовки народного творчества».

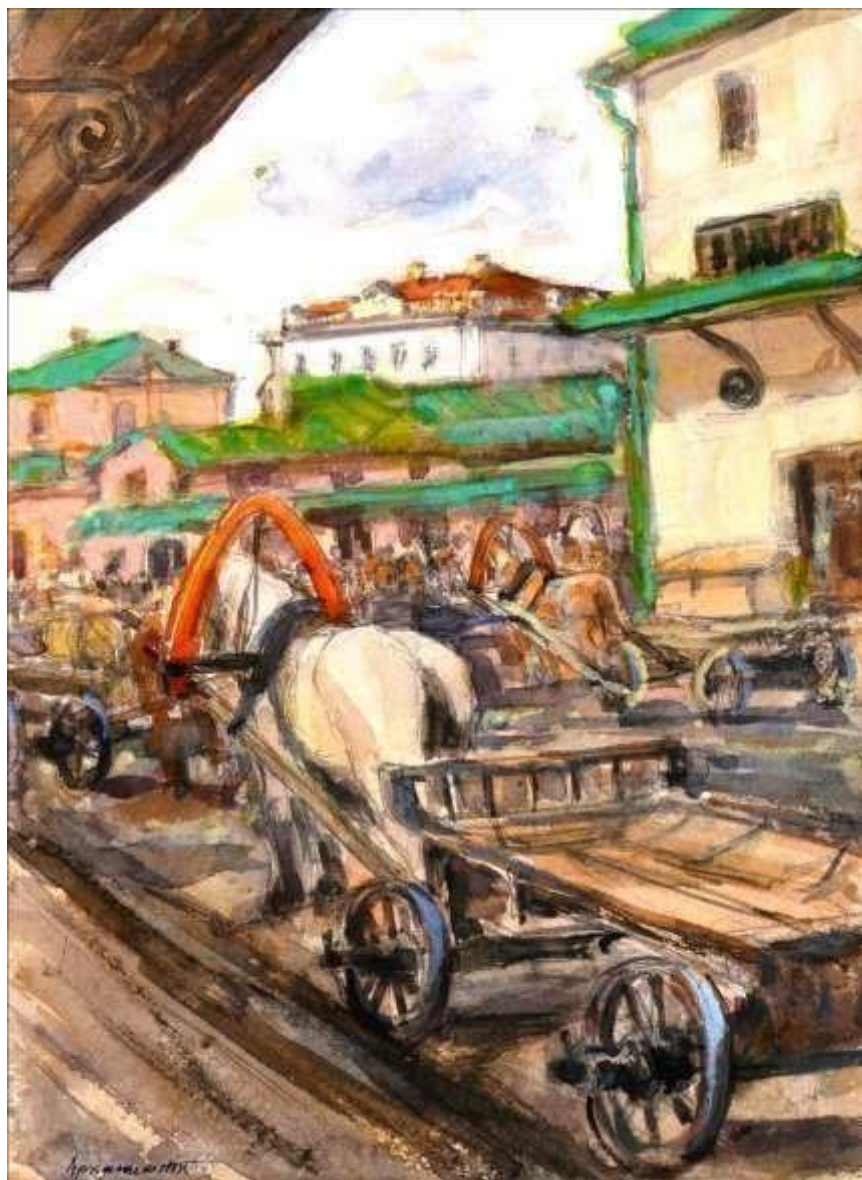

С. Муранка.
Наличник или

Как-то на летней ярмарке художник заполнил целый альбом рисунками телег и дуг с резьбой.

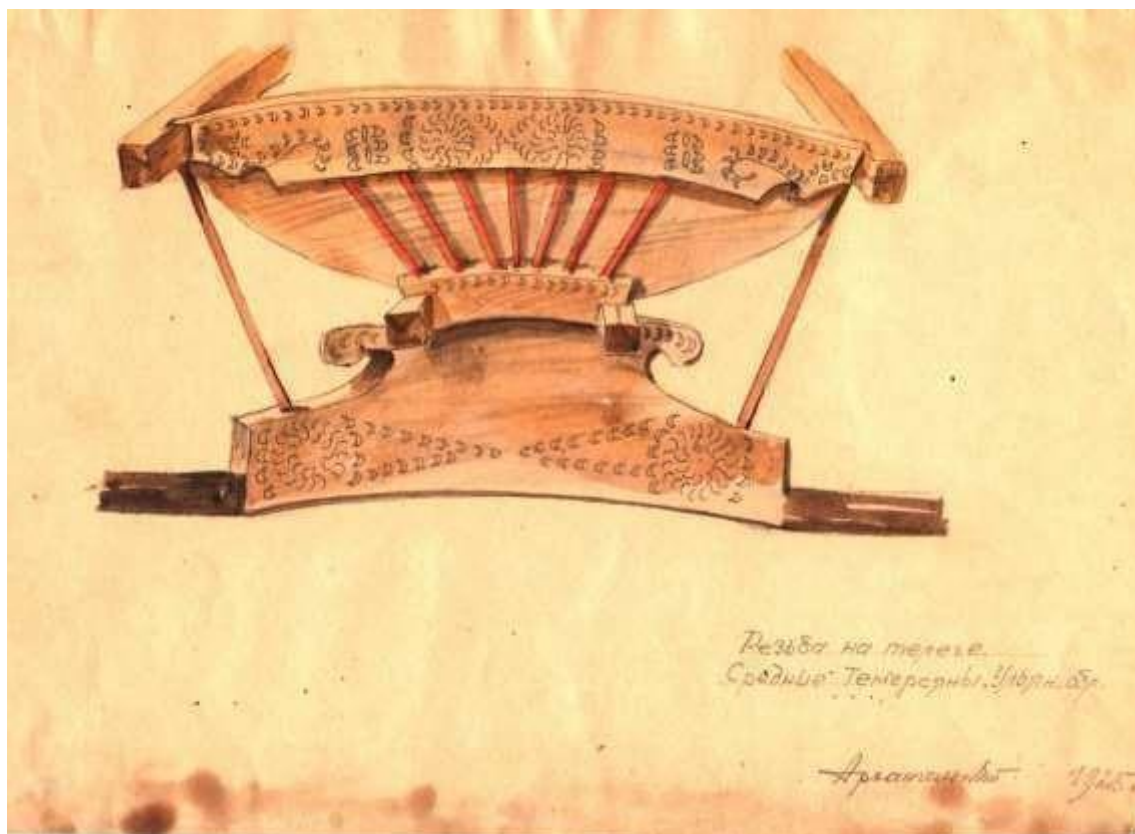
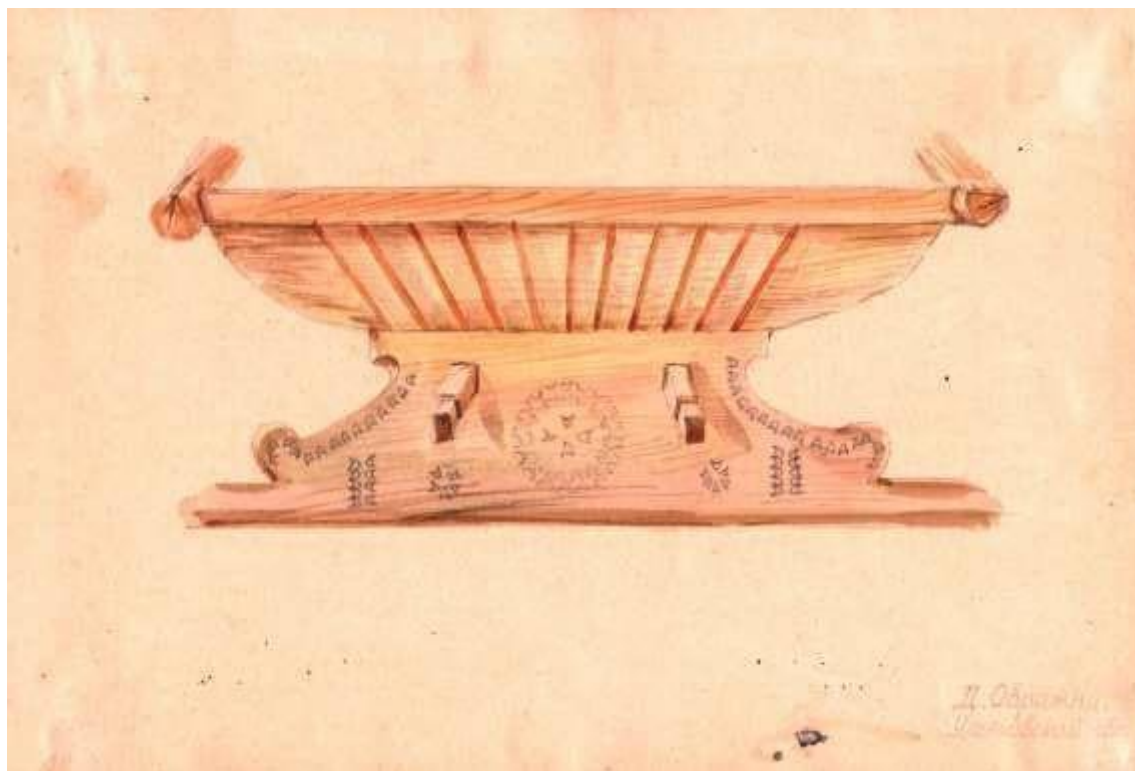

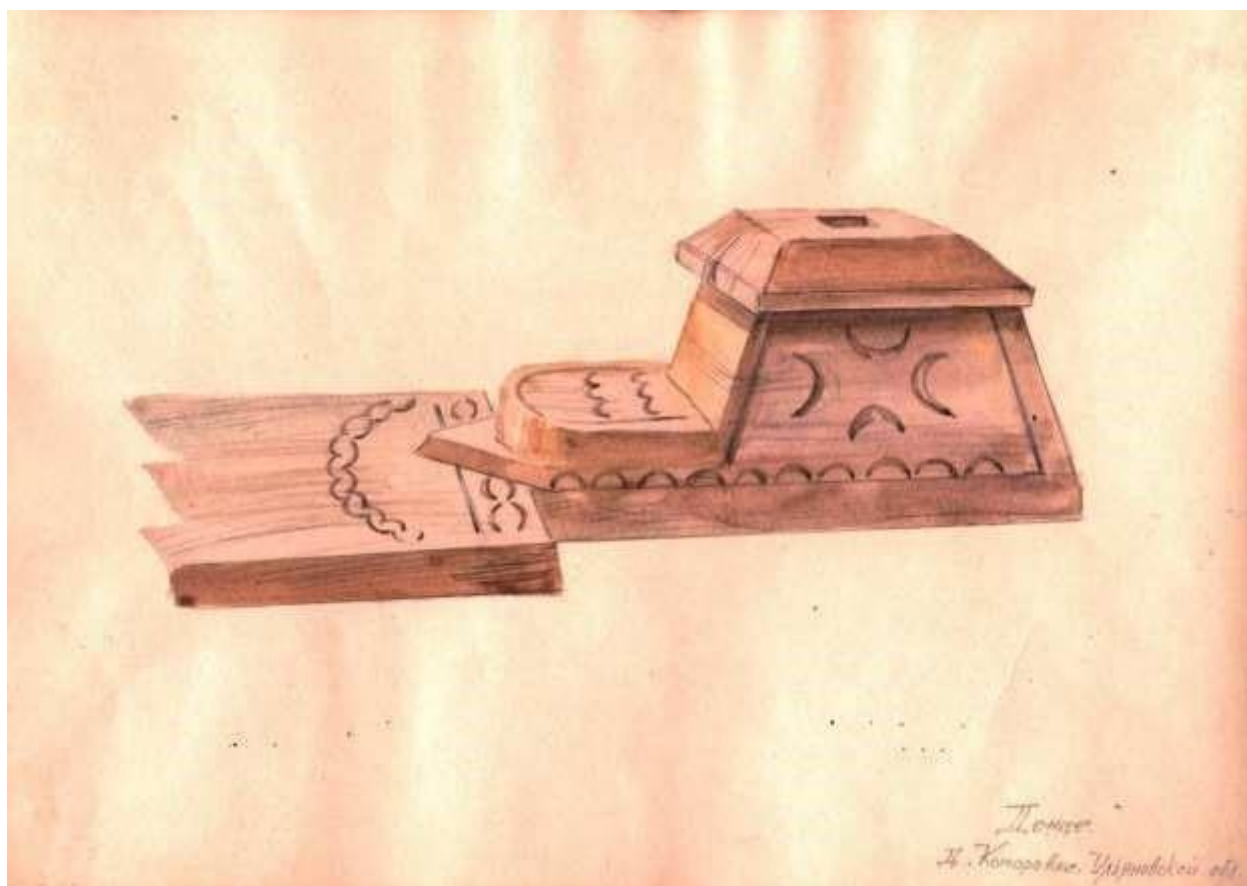
Позднее он писал об этом в статье «Телеги ульяновских мастеров»: *«Районы Ульяновской области, богатые лесом, издавна славившиеся народным искусством, в частности мастерством резьбы по дереву, хранят в себе следы крестьянского искусства. До сих пор там бытуют телеги, украшенные интересной резьбой. Наряжаются, главным образом, задок телеги и «подушка» (задняя ось). Узоры делались полукруглыми стамесками 2-3 размеров. Мотив узоров один – скобочки разной величины. Самая вязь узоров простая. Узкая кайма наивная и скромная или богатая, в несколько рядов. Непременной принадлежностью убранства телег является круг – символ солнца или полукруг – знак восходящего солнца, сделанные всё из тех же скобочек.*

Убор телеги зависит от её формы. Были телеги низкие и плоские, высокие и лёгкие, но ёмкие и т.д. Особенно нарядны бывали телеги «яичников», разъезжавших по деревням наших мест и менявших свои немудрые товары: иголки, нитки, напёрстки, ленты, бусы, серьги, сладкие рожки на яйца. У таких телег зад и перед, обыкновенно, украшался резьбой и забирался тонкими рейками, расположенными в виде лучей.

Внутренность телеги обшивалась лубком. Вся телега окрашивалась золотистыми колерами <...> Хотелось бы, чтобы эта красивая резьба и очень простая по выполнению нашла применение при украшении оконных наличников, калиток и ворот. В каждом селе найдутся свои образцы резьбы и мастера, которые творчески переработают найденные ими образцы и тем самым не дадут заглухнуть народному искусству».

Сохранилось большое количество работ, выполненных акварелью, тушью, карандашом, фотографий образцов деревянного зодчества и деревянной резьбы и список, составленный Дмитрием Ивановичем, «Народная резьба по дереву. Места и объекты зарисовок». Безымянным творцам прекрасного посвятил художник проникновенные строки: *«Мило нам дедовское искусство нашей деревни, наивное, бесхитростное своими приёмами, мудрое, чёткое и неожиданно богатое в своём узорчатом беге на широких донцах деревенских прях, на горбатых, узких, почерневших вальках, на уютных чудесных солоничках, на ступах из забытой сказки старины. Здесь всё наше, родное: дорожки из прозрачной, скромной, задумчивой северной ёлки (вальки), репеюшки, невиданные звёзды – цветы, словно распустившиеся навстречу солнышку (солонки), нездешние древние деревья с плодами и птицами, пышные травы (карнизы), луга зелёные с конями крутошеими, жарптицы в садах (пряничные доски), узорочье, как узор мороза на оконницах.»*

Незнамый, деревенский резчик – художник был большим мастером «ковровых» узоров. Зимой под шум вьюги он застилал свои доски для набоек и пряников диковинными травами и фигурами с редким пониманием заполнения пространства, с исключительным чувством мудрого декоратора. Узор легко и непринуждённо стелется по формам предмета, неожиданно сдерживается рамками, звёздочками, усложняется желобками, лунками и другими измышлениями. Свет дробится и тает

в извилах резьбы. В этих резных сказках «чуешь» нашу серенькую природу с её скромными цветами, шёпот лесов, очарование далёкого поля и самую душу творца изделий, побеждающую тебя своим искренним и большим искусством. <...> Богата наша родина произведениями народного творчества. Наша с вами задача и обязанность, мои соотечественники, искать и зарисовывать, фотографировать, беречь художественную старину, а главное – любить нашу великую Родину».

В 1909 г. открылось Симбирское фотографическое общество, организованное группой преподавателей 1-й мужской гимназии. В §4 устава Общества были изложены его задачи. Участники фотографического общества призывались «содействовать иллюстрированию и воспроизведению выдающихся архитектурных сооружений, храмов, заводов, сёл, типов населения, сцен из местной жизни и т.п., имеющих значение для истории, географии и культурно-экономического развития Родины, или для развития фотографического искусства».

Возглавил Общество В.В. Берштекер. Галина Дмитриевна Невзорова – старшая дочь Архангельского, вспоминала: «Виктор Викторович Берштекер – швейцарец, а у нас в городе преподавали французский язык в гимназии, где был учителем рисования Дмитрий Иванович. К Дмитрию Ивановичу он был очень привязан, конечно восхищался его творчеством, а ещё сумел оказать ему неоценимую услугу. Он сумел увлечь его своим увлечением – а именно фотографией. Сам Виктор Викторович был прекрасным фотографом и выучил Дмитрия Ивановича фотографии не как ремеслу, а как определённой области искусства: фотографхудожник. Кроме того, он подарил ему превосходный, по тем временам лучший, фотоаппарат. Он ставился на треножник, фотограф закрывался чёрной тканью, затем открывал объектив и при помощи «резиновой груши» производилась съёмка. Дмитрий Иванович был увлечён, трудности не смущали, не охладили рвения. А для всей сложной работы, для фотообработки построил из картона и реек прекрасную фотографическую комнату в кухне, между печкой и стеной в комнату».

Дмитрий Иванович принимал самое деятельное участие в работе Общества и считал, что серьёзное изучение фотографического дела очень помогло ему в сборе краеведческого материала. Это подтверждают и многочисленные фотографии, выполненные Архангельским, начиная с 1910-х годов, и запечатлевшие многое из того, что не сохранилось до наших дней.

21 декабря 1911 г. в Петербурге в конференц-зале Императорской академии художеств открылся Всероссийский съезд художников. Д.И. Архангельский участвовал в работе съезда как делегат от 1-й Симбирской мужской гимназии, в которой преподавал рисование и черчение. Работало восемь отделов, в том числе – «Художественное воспитание в семье и школе и преподавание графических искусств». Сохранилось три тома Трудов съезда с многочисленными пометками художника.

Судя по пометкам, большой интерес Дмитрия Ивановича вызвала и работа пятого отдела – «Русская старина и её охрана», где было заслушано 25 докладчиков. Так, например, Лукомский Г.К. выступил с докладом «Былое нашей провинциальной художественной архитектуры», Билибин И.Я. представил вниманию делегатов сообщение «Русское деревянное северное зодчество», Фёдоров И.Ф. – «К вопросу о сохранении памятников народного творчества в России».

Многие доклады сопровождались показом диапозитивов, была развёрнута выставка «Древнерусская икона и художественная старина». Большое внимание было уделено обсуждению «Правительственного проекта охраны старины».

Дмитрий Иванович Архангельский всем сердцем воспринял дело собирания и сохранения русской старины. Его творчество 1910-1920-х годов проникнуто стремлением запечатлеть красоту родного края.

В 1921 г. вышла из печати его первая книга по краеведению «Симбирская старина в графиках Архангельского», посвящённая архитектурным памятникам Симбирска и губернии.

«Последние годы XIX ст. сыграли большую роль в деле изучения родной старины. Ряд известных наших художников посвятили себя исследованию богатых стариной городов России, в частности городов Поволжья и Севера.

Симбирская губерния с её «дворянскими гнёздами» давно ждёт своего исследователя. Предлагаемый альбом рисунков Симбирской старины является слабой попыткой в указанном направлении.

Желание разгадать лик «старого Симбирска», служившего в своё время оплотом от набегов кочевников и незаметно теряющего свой первоначальный вид, побудило меня десять лет тому назад приступить к зарисовыванию и фотографированию Симбирской старины.

Создававшиеся в настоящее время благоприятные условия позволяют мне выпустить в свет альбом рисунков местной старины», - писал художник в предисловии к книге.

Книга-альбом состоит из трёх разделов, посвящённых гражданской архитектуре, церковной старине и симбирским усадьбам, и включает в себя 37 литографий. К каждому рисунку автор даёт пояснение, называет имя архитектора, если оно известно, указывает, на чьи средства и чьими стараниями построено то или иное здание.

Всеволод Михайлович Зыков – художник, литератор, бывший ученик Д.И. Архангельского в Симбирской мужской гимназии, во вступительной статье к книге отмечал: «<...> В этих работах с глубокой любовью воспроизводится тайна былой красоты нашего старого зодчества. Печатаемые работы – это сегодня написанная, проникновенная летопись Симбирских древностей, зарисованных в том виде, в каком эти последние доступны нам, в наши дни, когда при желании мы кое-чем из

оставшихся памятников красоты ещё можем вдоволь полюбоваться. Архангельский, до которого никто из художников не воспроизводил Симбирской старины и который первым обратил на неё должное внимание со стороны художественной, сделал таким образом большое, прекрасное дело служения красоте и науке. <...> Мы должны сознаться, что художественные памятники древнего Симбирского зодчества с каждым днём ветшают, пропадают, разваливаются. Эти печальные факты лишней раз подчёркивают необходимость и важность работ Архангельского. Издаваемой книжкой т. Архангельский указал нам на всю неотразимую красоту, заключающуюся в старом симбирском зодчестве. Мы должны принять все меры, чтобы сохранить эти древности, зарисованные рукой художника: по крайней мере, те из них, которые ещё сохранить можно».

В 1920-е годы Дмитрий Иванович создаёт графические серии «Захолустье», «Архитектурный Симбирск», «Век минувший» и др. Эти гравюры словно заново открывали симбирянам родной город, обращая внимание на всё значительное и своеобразное в его архитектурном облике.

Архангельский заведует секцией по делам музеев и охраны памятников искусства и старины при Губернском отделе народного образования. Он часто выступает в печати. Его статьи публиковались в газетах «Заря», «Экономический путь», «Пролетарский путь», в сборниках «Ульяновский общественник», «Наш город» и других изданиях.

1920-е годы по праву считаются «золотым веком» краеведения. Горячо влюблённый в свой край, Д.И. Архангельский становится активным участником краеведческого кружка, организованного в октябре 1922 г. в Симбирском книгохранилище, а через год преобразованного в Общество по изучению Симбирского края.

Заседания, на которых выступал Архангельский, проходили особенно интересно. 7 декабря 1922 г. газета «Экономический путь» писала: «Д.И. Архангельский сообщил об обследовании им литых и кованных решёток в Симбирской губернии, им же зарисованных в наиболее интересных деталях. Решётки <...> говорят о большом настоящем искусстве, к которому некогда приобщался Симбирск в своём строительстве. Чуткое внимание знатока симбирской старины Д.И. Архангельского должно быть встречено с благодарностью. Слушавшие его доклад не пройдут теперь без внимания мимо этих незначительных с виду предметов».

Краеведение 1920-х годов существенно обогатило методику школьного образования.

В разгар краеведческой работы в ульяновских школах Архангельский издаёт методическое пособие «Экскурсионная графика», в котором предлагает темы

экскурсий по изучению родного края, сопровождая текст линогравюрами с образцами архитектуры русского классицизма, деревянной резьбы и др. На страницах газеты «Пролетарский путь» публикует заметки «К весенним школьным каникулам» и «Краеведение на уроках ИЗО».

Дмитрий Иванович вспоминал: *«Вся моя краеведческая работа была тесно связана со школьной работой. Она отображена в рисунках учащихся. Программы курсов для учителей и дошкольных работников также насыщалась мною краеведческими темами. Накопленный опыт по краеведению, изобразительному искусству и новой методике, и практике преподавания изобразительного искусства я публиковал в печати Ульяновска, Москвы, Ленинграда и Самары».*

Невозможно перечислить всё то, что входило в круг интересов художника. Во всём он видел большую и благодатную тему для искусства. Русский по происхождению, Д.И. Архангельский оказался весьма чутким исследователем национальных культур Среднего Поволжья. Народное творчество чувашей, мордвы, татар, марийцев становится для него бесценным материалом. Костюмы, утварь, украшения собирались и многократно зарисовывались.

Интерес к народному костюму проявился у Д.И. Архангельского ещё в детстве.

«Первое моё знакомство с бытом и культурой чувашей началось с раннего школьного возраста, т.е. с 90-х годов прошлого <XIX – В.К.> столетия. Каждое лето в каникулы я ещё мальчишкой с сестрой и матерью уезжал к её брату в село Тенеево б. Самарской губернии. Это село наполовину состояло из чувашей. Их улица примыкала к тихой речке Кондурче, богатой рыбой и раками. Бывало, каждое утро, когда я шёл с мальчишками купаться на речку, я часто видел стариков в белых рубахах, удивших рыбу с лодок-долблёнок, у своих огородов.

Но как сейчас помню, меня больше всего заинтересовал тогда женский национальный костюм: белые длинные рубахи, яркие вышивки на них, украшения из монет и другие части костюма. Это были мои первые и, надо сказать, яркие, навсегда запомнившиеся впечатления этнографического характера.

Позднее, уже в начале 1900-х годов, мне пришлось побывать в другом чувашском селе Тайдаковке, Симбирской губернии, вблизи Волги (пристань на Волге Новодевичья).

Более углублённое знакомство с этнографией чувашей у меня началось в 1924 г., когда я стал преподавателем рисования в Ульяновском Чувпедтехникуме повышенного типа. Здесь я нашёл благоприятную обстановку: внимание руководства и преподавателей ко мне, новому сотруднику, и, главное, наличие здесь этнографического музея. <...> С первых дней работы в техникуме я стал частным посетителем этнографического музея. Его основателем, собирателем и руководителем являлся энтузиаст музейного дела Ф.Т. Тимофеев. С ним мы быстро сдружились, и он был постоянным спутником и руководителем в моей работе по ознакомлению с бытом и искусством чувашского народа. В музее я делал зарисовки чувашских узоров, костюма и резной деревянной утвари. Вскоре у меня с Ф.Т.

Тимофеевым появилась мысль – издать сборник моих рисунков с соответствующим текстом с целью заинтересовать общественность ценными, интересными материалами музея».

В 1925 г. сборник вышел в свет. Он явился первым печатным изданием, посвящённым чувашской вышивке.

В коллекции, хранящейся в музее, представлены и акварели, выполненные Архангельским, и «костюмный материал»: *«Народный костюм яркий, добротный, сделанный руками художников из народа может служить яркими моделями для рисования с натуры. На таких подлинниках народного творчества убеждаешься в глубине и колоритности народного бытового искусства, в умении деревенских рукодельниц блестяще разрешать цветовые соотношения и в умении использовать всевозможные материалы: различные ткани, позумент, ленточки, бусы, цветные пуговицы, кружева, бисер и т.д. Яркость старинного костюма заставляет задуматься о том, как она могла появиться среди нашей «серенькой» природы?»*

Курьмак-
танов ж. колтун
Казимирова
1944 г.
Архангельск

Изю.
История.
Часть 100.
М. Костюма.
Казань. Музей.
1947.

С этнографическим материалом я выступал в кружке краеведения, на учительских курсах, в школьных кружках ИЗО. Словом, вещи моего собрания, как я часто говорил, «должны работать». И они делали своё дело: поднимали у слушателей и зрителей интерес к народному вдохновенному искусству».

Об одном из таких выступлений на торжественном заседании Общества по изучению Симбирского края, посвящённом 275-летию Симбирска, газета «Пролетарский путь» 6 января 1924 года писала: «Вечер прошёл бледно. Исключение составлял доклад Архангельского, который показал самобытность народного творчества чувашей, мордвы и других жителей Симбирска. Им были представлены образцы народного творчества, вышивки на костюмах и полотенцах, зарисовки и т.д.».

Сохранился конспект доклада Д. Архангельского «Народное искусство Среднего Поволжья».

В 1966 г. состоялась выставка работ и коллекций Архангельского в Ленинграде в Государственном музее этнографии народов СССР. На учёном совете, состоявшемся в дни работы выставки, отмечалось, что в акварелях художника чувствуется рука опытного этнографа, тонко чувствующего национальные особенности быта и культуры разных народов.

Чёткость и точность делают их документальными источниками для этнографических исследований, для изучения народного искусства и национального орнамента.

Искусствовед Г.Н. Иванов-Орков отмечал: «Дмитрия Ивановича Архангельского можно считать одним из тех людей, чья деятельность не революционна, поступки внешне не масштабны, подвижничество не всегда заметно. Но именно благодаря им создаётся и сохраняется осязаемость, материальность и жизнеспособность культурной жизни общества».